

Борис Дышленко

П Я Т Ь У Г Л О В

повесть

Умылся не так, нарядился не так,
поехал не так, заехал в ухаб,
и не выехать никак.

Загадка.

1

В пятницу Исайю Андреевича с почетом проводили на пенсию, а на следующий день была черная суббота, и все о нем забыли. Ну и ладно: Исайя Андреевич последние месяцы только и думал о пенсии, так что ему было все равно, помнят о нем или нет. И не то чтобы Исайя Андреевич не любил своего коллектива, или был тяжело болен, или хотел бы заняться собственной дачей — дачи у него не было, — просто последнее перед пенсией время Исайя Андреевич почувствовал, что давно уже ему хочется на покой. Как-то раньше не замечал этого, а теперь вот заметил и стал неспеша и в свой срок подготавливать бумаги, так что, когда пришло наконец время подавать, тут Исайя Андреевич и подал. Как ни копалось в документах начальство, как ни искало, придраться было не к чему: возраста Исайя Андреевич достиг, трудовой стаж у него намного превосходил нужный, — не к чему было придраться. Жалко было отпускать его на пенсию: не Бог весть какая спица в колеснице, но работник аккуратный, дисциплинированный, непьющий, и дело свое за тридцать лет изучил досконально. Пытался начальник отдела уговорить Исайю Андреевича.

— Не уходите, — говорил, — Исайя Андреевич, — Как же мы без вас?

— Да уж, — отвечал Исайя Андреевич, улыбаясь конфузливо и горделиво, — Незаменимых нет. Да ведь я и не у станка стою, — что от меня проку?

Пытались Исайю Андреевича усовестить.

— Исайя Андреевич, а коллектив как же? Ведь к вам за долгие годы так привыкли: любят вас, уважают. Да и вам ведь как? Нужность свою, полезность чувствовать...

- Привыкнут и к новому, другому,- кратко отвечал Исая Андреевич.

Тогда начальник решился на крайнее средство.

- Исая Андреевич, мы вам тут думали как раз десять рублей прибавить. Погодили бы, поработали еще у нас: ведь это бы и на вашей пенсии отразилось.

Всю жизнь Исая Андреевич был тих, уживчив; не только с начальством, но и с сослуживцами никогда в споры не вступал, но на этот раз оказался тверд.

- Чтоб вам,- сказал Исая Андреевич,- эти десять рублей раньше придумать? Вот бы теперь и пенсия побольше была. Только все равно мне эти деньги покоя не прибавят, а мне хочется покоя, отдохнуть.

Так и крайнее средство не помогло - пришлось отпустить.

И вот в пятницу провожали Исая Андреевича на заслуженный отдых. Утром еще профорг Татьяна Степановна Улитина, женщина громоздкая, широколицая и неудобная, при всей бесполезности и полной решенности вопроса, по инерции продолжала наседавать на него с упреками.

- Что же вы, Исая Андреевич, покидаете наш фронт? Как же вы будете без нас? Скучать станете: делать-то нечего будет.

Исая Андреевич только улыбался и не отвечал. Исая Андреевич знал, что будет делать. Последние месяцы Исая Андреевич только и думал, что он будет делать, и не просто думал, а прямо-таки мечтал.

И вот в обед Исая Андреевича провожали. В красном уголке публично та же самая Татьяна Степановна Улитина приподнесла ему в подарок от коллектива анодированные часы с красным циферблатом и большой в коленкоровом под кожу переплете поздравительный адрес. Директор со сцены поздравил Исая Андреевича. Начальник отдела выразил сожаление и тоже поздравил. Все пожимали Исая Андреевичу руки. Теперь, истратив все слабые силы своего характера на со-

противление начальству, Исаяя Андреевич чувствовал умиление и легкую грусть. После собрания директор пригласил Исаяю Андреевича в свой кабинет, налил себе и Исаяе Андреевичу по рюмке коньяку и сказал:

- Прощайте, Исаяя Андреевич. Примите от меня лично поздравление и благодарность за вашу безупречную работу в течение ряда лет. Наслаждайтесь вашим заслуженным отдыхом и не забывайте наш коллектив.

И рюмочку поставил на стол. Исаяя Андреевич поблагодарил, свою рюмочку выпил, еще раз поблагодарил и отправился на заслуженный отдых.

Выйдя из учреждения, Исаяя Андреевич почувствовал себя как-то неуверенно и в пустоте. И ждал он этого отдыха, и планировал, но планировал он его, во-первых, с утра, а во-вторых, не с пятницы, а с понедельника; и теперь, оказавшись на улице, немного растерялся. Сыро было на улице и неуютно, и непонятно было- пойдет ли сейчас дождичек или наоборот солнце выглянет. Выглянуло: стало вокруг ярче, светлее. К этому времени и рюмочка коньяку стала действовать: разлилась, согрела, да еще и изнутри осветила впридачу к солнышку. А что осень... Так что- осень? Любил Исаяя Андреевич всякое время года- любил и осень. А раз уж так случилось, что Исаяя Андреевич вышел на заслуженный отдых в пятницу, а не в понедельник, то подумал он, что неплохо бы вне плана, навестить двоюродного брата, жившего на Васильевском острове, уже давно персонального пенсионера и члена совета старых большевиков, а перед тем, как отправиться на Васильевский, Исаяя Андреевич взял в винном магазине бутылку сладкого вина "Кагору": очень любил Исаяя Андреевич это вино.

Приехав на Васильевский остров, Исаяя Андреевич поднялся к своему брату на третий этаж и позвонил коротенькими звоночками три раза: квартира была коммунальная, и ~~жж~~ звонок был один на всех.

Дверь открыл брат Александр Иванович. Брат был двоюродный и отчество имел отдельное. В отличие от Исая Андреевича он был высок, костист, самоуверен, тверд характером и имел свою точку зрения.

- Здравствуй, Шурочка! - робко приветствовал брата Исая Андреевич и, вытянув вперед бутылку, показал брату, что у него было.

- Ишь ты! - удивленно сказал Александр Иванович. - Что это? Не замечал за тобой. В пятницу?! Что стряслось?

- Не стряслось, Шурочка, а случилось. Случилось, Шурочка! - радостно приговаривал Исая Андреевич, проходя в прихожую и с трудом совлекая с плеч узенький кремовый, купленный в детском отделе, плащик. - Случилось, Шурочка, сбылось, наконец-то!

- Что, на пенсию вышел? - догадался Александр Иванович, пропуская двоюродного брата вперед и строго на него глядя. - На пенсию вышел? Чему ж ты рад? - Александр Иванович надел очки в тонкой серебряной оправе, еще строже посмотрел на Исая Андреевича и снова повторил. - Так чему ж ты рад?

- Как же, Шурочка, не радоваться? - удивился Исая Андреевич. - Я ведь об этом чуть не полгода мечтал. Все разные мечты, планы строил.

Александр Иванович несколько раз иронически похмыкал, шевеля тонкими белыми губами.

- Чудак ты, - сказал он. - Ну садись. Вот сюда, в кресло: тут поудобней будет. Что это у тебя?

Исая Андреевич с гордостью обеими руками протянул ему свой адрес.

- Вот, - ценили меня, преподнесли памятные подарки. Вот - и часы с гравировкой.

Александр Иванович пренебрежительно посмотрел на часы - в руки не взял. Он раскрыл папку, посмотрел, сложил, посмотрел сквозь очки на Исая Андреевича.

- "Ценили" - говоришь? Так и не уходил бы. Может, зар-

плату прибавили б. Что дома сидеть?

- Мне, Шурочка, предлагали, - с гордостью сказал Исайя Андреевич. - Десять рублей прибавки предлагали. Не хотели отпускать.

- Пф! - сказал Александр Иванович. - Десять рублей! Десять рублей на дороге не валяются, - строго сказал Александр Иванович. - Брать надо, коли дают. Да и что тебе сиднем дома сидеть? - не пойму. Ну ладно, - сказал Александр Иванович, - вышел, так вышел: отметить надо.

Александр Иванович энергично встал, энергично подошел к холодильнику, энергично наклонился, охнул, схватился за поясницу.

- Ох! - сказал Александр Иванович. - Сиди-сиди! - сердито крикнул он Исайе Андреевичу. - Здоровей тебя, хоть и старше.

Александр Иванович быстренько накрыл на стол. Любо-дорого было смотреть: и рыбные консервы в томате, и селедочку с луком, и яйца вкрутую сварил, - и все это на тарелочках, чистенько, аккуратно: это у них в роду, все такие: порядок любят.

- Беленького? - спросил Александр Иванович, потрясая над столом бутылочкой, которая прежде, как помнил Исайя Андреевич, называлась четвертинкой, а в наше время - маленькой. - Беленького выпьешь по этому случаю?

- Да нет, Шурочка, я уж лучше своего, сладенького: у меня от водки бывает головокружение. Твое здоровье, Шурочка!

- Я здоров, - ответил брат. - Давай лучше за твою пенсию. Сколько тебе назначили?

- Семьдесят рублей! - с гордостью ответил Исайя Андреевич.

- Вот. А могло бы больше быть, - наставительно сказал Александр Иванович. - Послужил бы еще три года. Учитывая прибавку... Конечно, не персональная, как у меня, - погордился немного Александр Иванович, - а все же.

- А мне, Шурочка, хватает, - говорил, тихо хмелея, Исайя Андреевич, - мне довольно. Куда мне? Потребности невелики:

пить я не пью, к щегольству тоже склонности никогда не имел, кушаю умеренно, — для чего мне больше?

— А все-таки зря ты, — сказал Александр Иванович. — Я другое дело: я и здесь на боевом посту. Я вот в совет старых большевиков хожу, жалобы разбираю, — я везде людям нужен. Ну, а — ты? Кто тебя в совет старых большевиков возьмет? — ты ведь даже не член партии. Вот разве что, в домо-вой комитет? — предположил Александр Иванович. — Знаешь что? — сказал Александр Иванович. — Иди-ка ты, и правда, в домо-вой комитет: все при деле будешь. Уже не лишний человек. А кроме того, в товарищеский суд могут избрать: там же, при жилконторе. Иди, Исая!

— Да что ты, Шурочка? — отнекивался Исая Андреевич. — Что ты? Я никогда начальством не был — я не сумею, нет.

— Да ты брось, — убеждал Александр Иванович. — Я тоже до поры, до времени не командовал, а пришла революция — заставила.

Вот Шурочка! Он всегда такой — резкий, энергичный. Все войны прошел и в том числе революцию. А ведь на десять лет старше!

— Нет, Шурочка, — сказал Исая Андреевич, — нет. У меня свой план.

— План?! — удивился Александр Иванович. — Постой! — радостно закричал Александр Иванович. — Да ты не женишься ли собрался? Ну, брат, удивил! Извини, что сразу не догадался. Ну, поздравляю, брат, поздравляю! — Александр Иванович вскочил и, схватив руку Исая Андреевича обеими руками, принялся возбужденно трясти ее. — Признаюсь, брат, удивил. Всего от тебя ожидал, но не этого. Поздравато, конечно, надумал, но что же?.. Только что ж ты молчал? Надо было с этого и начинать, а то — пенсия, пенсия!..

— Да нет, Шурочка, не женишься, — ласково отвечал Исая Андреевич, дождавшись, пока пройдет возбуждение брата. — Нет, что ты? И в голове не было. Да и на ком? Ведь современные девушки, сам знаешь, какие: вольные, рас-пущенные, многие даже курят. Нет, женишься — это не по мне.

- Хм! - опешил Александр Иванович. - Тогда не понимаю тебя. Что же тогда? Что у тебя за план?

- Да уж есть план, - уклонился от прямого ответа Исайя Андреевич.

- Так что же все-таки за план?

- Ты уж извини, Шурочка, - сказал Исайя Андреевич, - уж ты, Шурочка, не сердись на меня, только я тебе не скажу. Это - секрет.

- Да нет, я не сержусь, - сказал недоуменно Александр Иванович, - с чего мне сердиться? Я не сержусь. Только нет у тебя никакого плана, - рассердился Александр Иванович, - придумал ты все.

- Ну, нет плана, - согласился Исайя Андреевич, - нет, так и нет. Только ты, Шурочка, не сердись.

- Да нет, ничего, - сказал Александр Иванович, - смотри сам. Как знаешь, твоя голова. Ну, давай выпьем, - улыбнулся тонкими губами Александр Иванович. - Давай - за твой план!

II.

Исайя Андреевич проснулся с некоторой чрезмерной бодростью. Он посмотрел на будильник, стоявший на комод у изголовья кровати, сверил его с подаренными часами: и на часах, и на будильнике было по половине седьмого. Исайя Андреевич посмотрел дальше, за будильник, на окно: за тюлевыми занавесочками пасмурно, а может быть, и мелкий дождик на дворе - этого нельзя было понять.

"Что ж, сколько хочу, столько и сплю, - с чувством свободы подумал Исайя Андреевич. - На заслуженном отдыхе хозяин - барин."

И Исайя Андреевич отвернулся к стене, на голову натянул одеяло /от света/, только рот выставил, чтобы дышать, но заснуть больше не мог: под ватным одеялом все равно было душно, и сердце сегодня билось неровно и сильнее, чем обычно.

"То ли похмелье после вчерашнего?— подумал Исаяя Андреевич.— Или привык рано вставать? Сколько лет вставал, а ведь в молодости, бывало,— не хочется. В молодости любил поспать. Да и похмелье— тоже,— решил Исаяя Андреевич,— похмелье— само собой."

Могу пойти пива выпить или бутылку взять домой,— подумал Исаяя Андреевич.— Говорят: лучшее средство от похмелья— пиво. Лучше всяких лекарств. Захочу— выпью. Кто мне помешает? Никто не помешает."— Исаяя Андреевич довольно улыбнулся.

"Нет, это я пошутил,— улыбнулся Исаяя Андреевич.— Не за то отец сына бил, что пил, а за то, что похмелялся. Мне похмеляться ни к чему,— подумал Исаяя Андреевич,— я, слава Богу, не пьяница и не алкоголик: могу и так перемаяться. Жалко только, что сегодня суббота, а не понедельник: во-первых, от этого полного отдыха не чувствуется, а во-вторых... не так, не начать. Потому что начнешь сегодня— все колесом пойдет: все собьется. Ничего, сегодня дома пересажу. Схожу, разве, на Кузнечный рынок."

Исаяя Андреевич поколебался и встал. Было тепло.

"Видимо, начали подтапливать",— решил Исаяя Андреевич.

Неподвижный комнатный воздух от тепла был полон запаха мандариновых корочек, которые Исаяя Андреевич хранил в шифоньере для отсутствия моли. Центральное отопление уже лет семь как провели, но Исаяе Андреевичу казалось: совсем недавно.

"Теперь самая жизнь и начинается",— решил Исаяя Андреевич.

Он вышел на кухню, включил газ и, поставив на конфорку кофейник, сам подошел к раковине и стал чистить щеточкой верхние зубы. Ванной в квартире не было: приходилось у раковины туалет совершать.

"Жато своя квартира,— подумал Исаяя Андреевич, ерзая щеточкой по верхним зубам.— Шовершенно нежавшимо и никаких жабот. Не жря переехал."

Переехал Исаяя Андреевич еще в двадцатом году, сразу

после похорон отца, служившего диаконом в XXX-ском соборе. Отец был хоть и духовного звания, но добрый, душевный человек, и Исая Андреевич сильно огорчился его смертью. Однако, время было не такое, чтобы долго горевать: пришлось тогда Исая Андреевичу, недоучившемуся гимназисту, искать себе средств к существованию. Тогда и переехал он из епархиальной квартиры к Пяти Углом, по месту полученной квартиры. В те времена маленькой, тесной показалась ему эта квартирка, а вот же, у кого больше было, тех подселенцами уплотнили, у тех склоки начались, ссоры и неудобства, и подселенцы кляузы писали; а он, Исая Андреевич, оказался сам себе единственный сосед, — с собой не поссориться.

"Хе-хе-хе! — сказал Исая Андреевич. — Думал тогда: много ли мне нужно, а получил больше других. Вот что значит-довольствоваться малым," — не без гордости подумал Исая Андреевич.

Поплескавшись как следует под краном, Исая Андреевич почувствовал, что и сердце забилось, вроде бы, ровнее.

"И ни пива, ни валерианы не надо", — удовлетворенно подумал Исая Андреевич.

Неспеша сидел он на кухне,пил сладкий кофе с молоком и с булочкой.

— Первый завтрак — легкий, — сказал Исая Андреевич. — Спасибо тебе, Исая Андреевич! — и вежливо ответил. — На здоровье, пожалуйста, Исая Андреевич!

Исая Андреевич прошел в комнату, придвинул кресло к окну и раздвинул тюлевые занавески. Он уселся поудобней в кресле, сложил руки на животе и, глядя как за окнами постоянный мелкий дождичек моросит, задумался о своем плане.

Не зря Исая Андреевич скрыл вчера от брата свой план: брат бы этого плана не одобрил: еще, пожалуй, и спор затеял бы с Исаем Андреевичем, а уж тост за этот план поднимать, и подавно, не стал бы. Наверняка, ему бы этот план показался недостойным тоста и совсем ничтожным. А между тем, план был английский, во всяком случае, он Исая Ан-

дреевичу казался английским. Исайя Андреевич вообще ~~уже~~ ~~как~~ всегда уважал англичан за их достоинство, любовь к семейному очагу и стойкость привычек. Правда, после войны, было такое время, когда Исайя Андреевич их не уважал, да- же не то чтобы не уважал, а политически не принимал за космополитизм, но и тогда, перефразируя известное изречение, дальновидно говорил: "Черчиллы приходят и уходят, а английский народ остается." Слово "Черчил" Исайя Андреевич про- износил на английский манер, твердо: он знал, что в фамили- ях англичане не ставят мягкого знака на конце. И говоря о "Черчилах", Исайя Андреевич в конечном итоге оказался пра- прав: ко времени пенсии международные обстоятельства изме- нились настолько, что англичан снова стали уважать, и поя- вилась возможность к осуществлению английского плана. Соб- ственно говоря, идея этого плана не всегда существовала в душе Исайи Андреевича. Вначале она появилась в виде каких- то смутных неосознанных желаний, отдельных видений, мимолет- ных ощущений; она рождалась в еще непросветленном сознании Исайи Андреевича, как сонная греза, как рождается поэма, и наконец родилась, выросла, приняла стройные законченные очертания. Началось с того, что однажды во внезапном ут- реннем озарении пять дней рабочей недели, точно наложилось на пять углов места жительства Исайи Андреевича. Спустя некоторое время, Исайя Андреевич вспомнил, что это совпаден- ние впервые поразило его еще в тридцатые годы, в эпоху пя- тидневок, но тогда оно не дало повода ни к какому плану, поскольку план был пятилетний и государственный, так что Исайе Андреевичу тогда лично ничего не выходило: не сло- жилась еще историческая ситуация. Правда, когда в двадца- том году Исайя Андреевич переехал из Александро-Невской Лавры к Пяти Углам, никакого предопределения, ни таинст- венного смысла, ни вообще чего-либо сверхъестественного в этом событии Исайя Андреевич не усмотрел: тогда не было не только пятидневной рабочей недели в теперешнем смысле слова, но и пятидневок и- страшно подумать!- самих пяти-

леток не было. Да, в те времена двадцатилетнему Исаяе Андреевичу трудно было проникнуть в скрытую сущность явлений; теперь же в том далеком и, казалось бы, незначительном событии грозного двадцатого года видел Исаяя Андреевич глубокий мистический смысл. И вот идея стала постепенно оформляться, но еще некоторое время как нечто абстрактное, отвлеченное от жизни, — Исаяя Андреевич еще не знал, к чему бы ее применить. И тогда постепенно выстроился английский план. Весь план состоял в сохранности здоровья, которое, как известно, зиждется на английской стойкости привычек, а делится он строго на три части.

Часть первая заключалась в правильности режима питания: первый завтрак — легкий, второй завтрак — плотный. Как у англичан, чтобы первый завтрак не препятствовал физическому развитию тела, а кроме того, желудок чтобы не растягивался внезапно, а постепенно привыкал к нагрузке продуктами питания; второй завтрак называется "ланч" (по-русски — полдник). Обед по плану предполагается поздний и с чтением газеты. Вместо ужина за телевизором английский чай.

Во второй части плана лежали прогулки: каждый день — в ином направлении; и ничего, что Загородный проспект, пересекая площадь образует два направления, — как ни верти, углов получается пять. И по одному проспекту можно от одной площади в две стороны ходить. Эта мелочь Исаяю Андреевича никак не смущала. Итак, Исаяя Андреевич вознамерился, начиная с понедельника, после первого (легкого) завтрака совершать прогулку в одном из направлений. Направление предполагалось менять по часовой стрелке, чтобы тем подтверждать размеренное течение времени. Вот какова была вторая часть.

Третья часть была зрелищной и развлекательной. По субботам Исаяя Андреевич намеревался посещать какой-нибудь из крупных универмагов: Пассаж, Гостинный Двор, ДЛТ — мало ли их? Ну, если и не слишком много, то, во всяком случае на четыре-пять суббот хватит; а там ведь можно и повторить по кругу.

Воскресные дни в английский план не входили: они существовали не для здоровья, а для души. Нет, не о церкви шла речь: Исая Андреевич был хоть и духовного происхождения человек, но во все эти предрассудки не верил. Нет, по воскресеньям Исая Андреевич, как и прежде, намерен был навещать своего возлюбленного, хоть и двоюродного, брата.

На самом деле Исая Андреевич хитрил, объясняя все английскостью плана: все дело состояло в идее о Пяти Углах, но Исая Андреевич и сам не сознался бы в таком нерациональном происхождении плана и повернул все дело так, как будто в этом виновата Англия.

- Однако, братец, ты- гусар!- с дружеской укоризной обратился к себе Исая Андреевич.- Ты, братец, гусар. А еще о здоровье каком-то английском рассуждаешь. Смотри же, братец, характер у тебя уж больно русский: с таким характером трудно английские планы соблюдать. Надо же, один вчера почти целую бутылку сладенького выпил! Шурочка, разве что, две стопочки для компании поддержал. Поберегись: этак ты и за прекрасным полом приударять станешь.

Исая Андреевич конфузливо засмеялся. Потом стал снова серьезным и встал. Он подошел к окну, присмотрелся: идет ли дождик. Шел. Исая Андреевич вздохнул и послушно вернулся в кресло. Он теперь с нетерпением дожидался понедельника, чтобы начать заслуженный отдых.

III

Пенсия началась для Исая Андреевича солнышком. После сильного, длившегося всю ночь дождя, оно на улице появилось среди разошедшихся туч, осветило небольшую комнату Исая Андреевича и заиграло тюлевыми зайчиками на крашеном полу.

Исая Андреевич, проснувшийся раньше обычного и ожидавшийся половины восьмого, чтобы начать первый день трудового отдыха, в половине восьмого сел на кровати и

сладко зажмурился не столько от солнышка, сколько от предвкушения. Встав с кровати, Исайя Андреевич направился прямо к окну с целью еще больше удостовериться в освещении. В окно через кактусы посмотрел во двор: на противоположной стенке, в чем-то кухонном окне — баночки, марлевый мешочек висит, — понял, что теперь всегда будет смотреть по утрам в окошко. Исайя Андреевич отошел от окна и вышел через коридорчик на кухню.

"Да, возраст-возраст! — думал Исайя Андреевич, проходя коридорчиком. — Секрет долголетия!"

Бритье доставляло удовольствие: конечно, не так, как в молодые или зрелые годы жизни, — тогда кожа была гладкой и упругой, бритва легко шла, набирая на зеркальное лезвие легкую ноздреватую пену, — теперь кожу приходится оттягивать, зато щетина стала крепче, лучше бреется.

"Заведу сиамского кота."

Позавтракав (на первый раз легко) Исайя Андреевич натянул плащик, заложил шарф поплотнее и вышел на лестницу. Он потоптался немножко в нерешительности, постоял, и набрав полные легкие воздуха, шагнул вниз.

Улица встретила Исая Андреевича солнцем и свежестью, как будто вместе с Исайей Андреевичем и весь мир вышел на пенсию: небо было чистым, и по неглубоким прозрачным лужицам пробегала мелкая рябь, едва шевеля одинокие, зажелтевшие от края листья. Магазины сверкали мытыми окнами и белыми буквами, по Ломоносовской в черных передничках из-под распахнутого пальто стайками перебежали школьницы, совсем гимназистки, и с Разъезжей вырулил на тяжелой серой ломовой лошади извозчик с желтыми сосновыми ящиками на плоской телеге.

— Первый пенсионный! — с гордостью сказал Исайя Андреевич.

Природа ликовала.

Исайя Андреевич неспеша направился по Загородному проспекту к Владимирской площади, с чувством рассматривая

витрины закрытых еще утренних магазинов; то останавливаясь у гастронома, чтобы полюбоваться, как рабочие в белых запачканных фартуках, напрягаясь, тащат плотные картонные коробки с написанными на них заграничными цифрами; то любопытствуя, на что идет запись у электрического магазина: оказалось, что на холодильник "Саратов". Люди стояли с плакатами на неструганных палках, и Исаяя Андреевич подумал было: не стать ли ему с таким плакатом- записаться на "Саратов", - но решил, что это праздность, потому что есть же свой личный холодильник "Ленинград", не такой вместительный, а много ли ему надо?

Исаяя Андреевич перешел на другую сторону, чтобы посмотреть как дворник поливает из черного шланга тротуар.

- Привет труду! - бодро сказал Исаяя Андреевич и приподнял над головой свою кепочку.

Молодой дворник (наверное, студент - подрабатывает) кивнул и улыбнулся Исаяе Андреевичу, продолжая поливать. Исаяя Андреевич хотел спросить у дворника: для чего тот поливает и без того мокрый тротуар; без обиды хотел спросить, а насчет мастерства- какие мол секреты? - но и о секретах не спросил, а забыл об этом, потому что в конце проспекта, от колокольни, появилось как бы тихое сияние.

Исаяя Андреевич осторожно почувствовал биение сердца. Он взялся за пуговку рукой и неуверенно, как будто он до этого и не в ту сторону шел, сделал несколько робких шагов. Потом еще несколько робких...

Сияние не расширялось и не увеличивалось, а так же, потихоньку приближалось, и это было не совсем сияние, то есть, может быть, и не сияние, а как бы сияние, - вернее, Исаяе Андреевичу казалось, что сияние. Ведь не даром же Исаяя Андреевич почувствовал биение сердца, неспроста? Сияние тихо приближалось, а впереди сияния в черном пальто, в шляпке, с зонтиком в сухонькой ручке, с хозяйственной сумкой в другой, приближалась, шла навстречу Исаяе Андреевичу пожилая женская фигура в проволочных очках. Ничего особенного на посторонний взгляд в этой фигуре не

было, но для Исая Андреевича она была полна великого значения.

- Машенька! - едва сумел выдохнуть Исая Андреевич, поправившись с фигурой. - Машенька! - (и уже обрета голос) - Помните ли вы меня?

Дамская фигура, несколько по инерции просеменив, остановилась. Строго сквозь проволочные очки посмотрела на Исая Андреевича, затем вслед за своей головой повернулась сама, прищурилась, как бы припоминая, и отрицательно склонила голову в шляпке направо, а потом - налево.

- Марья Ильинична, - поправила она Исая Андреевича.

- Марья Ильинична! Вспомните: поклонник ваш гимназический. Не вспоминаете?

Марья Ильинична опять повспоминала глазами и даже сухонькие губки для нужного напряжения мысли втянула совсем внутрь. И, как будто бы вспомнила.

- Вроде, вспомнила, - сказала Марья Ильинична, - Саша? - неуверенно сказала она и костяным пальчиком ткнула в сторону сердца Исая Андреевича.

- Ну, да, Саша! - радостно воскликнул Исая Андреевич. Сразу так многое вспомнилось ему от этого имени: в юности он своим крестным именем смущался, казалось оно ему несовременным, ветхозаветным, к тому же и одноклассники, гимназисты, прозвали его за это имя поповичем. (Исая Андреевич, и правда, был немного поповичем). В те времена он стыдился своего церковного имени и называл себя Сашей, а иногда для красоты Александром, а Александр был не он - Шурочка, двоюродный брат, - вот он так уж подлинный Александр. Но теперь дело не в этом было, а вот Машенька его узнала.

- Ну как? Вспомнили? - улыбался Исая Андреевич. - Вот видите? И вспомнили. Именно - Саша.

Марья Ильинична тоже теперь улыбалась.

- Ну, а как вас теперь, полным именем? Отчеством?

- Да называйте Сашей! - с чувством сказал Исая Андреевич. - Я для вас всегда, на всю жизнь готов Сашей оставаться.

- Ну-ну! - ласково сказала Марья Ильинична, осторожно

передвигаясь рядом с Исайей Андреевичем по тротуару. — Неудобно — вы так выросли, возмужали, наверное, уже женатый теперь человек, дети, наверное, — как же мне вас — Сашей!

— Что вы, Машенька! — горячо возразил Исайя Андреевич. — Я? Нет! Я совершенно бездетный холостяк. Да и мог ли я жениться? — судите сами. После всего, что было!..

— А что было? — спросила старушка. — Я уж не помню, что было.

— Ну, вы-то конечно, — грустно сказал Исайя Андреевич, — а я... Я ведь по гроб моей жизни был в вас влюблен.

— А все-таки лучше — Марьей Ильиничной. Мы все-таки с вами старики: нам неприлично.

— Ну, уж если вы так считаете, — чуть-чуть огорчился Исайя Андреевич, — если так считаете, называйте меня Исайей Андреевичем.

— Исайей? — удивилась Марья Ильинична. — А я думала: Александр. Вы ведь тогда, как будто, Александром назывались?

— Грех мне, — сказал Исайя Андреевич, — молод бр-врожденного имени стеснялся: хотелось имени благородного, военного; только я не помню точно, но вы, как будто, мое полное имя знали.

— Нет, не понимаю, — сказала старушка. — Чем же имя такое плохое? Хорошее имя. Есть, конечно, разные женщины, но мне, лично, такое имя больше нравится, чем какой-нибудь Эдик.

А сколько же мы не виделись, Исайя Андреевич? — сказала старушка. — Полвека, наверное, не виделись?

— Да, наверное, полвека, — сказал Исайя Андреевич, — почти. Только видите ли, Марья Ильинична: судьба так сложилась, обстоятельства. Папа мой покойный тогда умер, и мне уже нельзя было дальше в Лавре оставаться: место жительства епархиальное, ведомственное было. Я на службу устроился — мне лицевой счет Бог дали, вот я и переехал сюда, к Пяти Углам. Квартира чудная — очень выгода: небольшая, зато отдельная. Сам себе хозяин: никаких этих коммунальных неудобств никогда не знал. Так и живу: все один, хотя по метражу площади можно бы и вдвоем. — Исайя Андреевич вдруг

испугался— что если Марья Ильинична поймет не так: решит, что он, Исая Андреевич, намекает,— неловко будет — Исая Андреевич скоренько переменял тему.— Прогуливайтесь, Марья Ильинична?— спросил Исая Андреевич для перемены темы.

— Да нет, Исая Андреевич, сестру иду навестить.

Помолчали. Немного шли молча: не знали о чем говорить. О своей юношеской страсти Исая Андреевичу так сразу неловко было вспоминать; Марье Ильиничне тоже, наверное, неудобно было эту тему затрагивать, а может быть, она об этом и не помнила. Ведь полвека прошло: мало ли сколько разных событий могло за это время произойти.

— Мы ведь тоже тогда к Пяти Углам переехали,— начала снова Марья Ильинична,— тогда, в двадцатом году. Вы в каком?

— Я — в двадцатом же, в октябре.

— Ну вот и мы — в двадцатом. Сначала вместе жили, ну а потом разъехались: как говорится, разные судьбы. Так что я с тех пор и не покидала этого места.. Да.

— Да!— сказал Исая Андреевич.

Хотел было Исая Андреевич уточнить насчет семейного положения Марьи Ильиничны, но не уточнил: неловко показалось.

"Подумает, что навязываюсь; подумает, что в душу лезу," подумал Исая Андреевич— и не уточнил.

Шаг за шагом, неспеша дошли до дома Исая Андреевича.

"Проводить ли Машеньку немного?"— подумал Исая Андреевич и подумал, что неудобно. Неудобно навязываться.

— Ну вот, я здесь живу: в этом именно доме,— сказал Исая Андреевич.— Вот эта парадная, а квартира двадцать девять бе. На са-а-а-амом верху. Почти мансарда, как у художников.

— Заходите и вы, Исая Андреевич. Заходите в гости: я всегда рада буду. Вставочка у вас есть? Адрес мой и телефонный номер запишите.

Исая Андреевич обрадовался несказанно, и сердце забилось резво, как в семнадцать лет. Даже в карман никак не мог попасть рукой. Наконец добрался: там, рядом с сердцем

нащупал записную книжку и, вытащив, на букве М раскрыл и записал: Машенька (фамилии не помнил, а спросить побоялся) и адрес: Загородный пр. дом № 3, кв. № 11.

Долго еще смотрел Исая Андреевич, как Машенька медленно, осторожно переставляя от возраста несоразмерные высохшим щиколоткам ступни, уходит по Ломоносовской, бывшему Чернышеву, провожаемая осенним солнышком. Смотрел Исая Андреевич со слезами у горла, но к слезам примешалось какое-то еще чувство: ну, не то чтобы планы, потому что и не знал еще Исая Андреевич ничего о теперешней жизни, ни о семейном положении своей юношеской любви, — но кое-что примешалось, и от этого сильнее запрыгало сердце Исая Андреевича, и прибавилось бодрости; так что Исая Андреевич, совсем как юноша семнадцати лет, взбежал по лестнице на пятый этаж, а если бы и не взбежал, то, во всяком случае, всего только один раз по пути отдохнул.

1У

Исая Андреевич поставил чашечку в сушилку, отошел и полюбовался: на кухне был порядок.

"Первый завтрак — легкий", — ласково подумал Исая Андреевич.

За окном утро было солнечным.

"Ну и погодка! — подумал Исая Андреевич. — Прямо настоящее бабье лето!"

Исая Андреевич прошел коридорчиком в комнату.

"Не пощеголять ли? — подумал Исая Андреевич. — Вдруг опять Машеньку встречу? Пожалуй, оденусь сегодня поприличней: пальто и шляпу надену."

Исая Андреевич здраво рассудил, что под пальто пиджак не увидать будет, новый он или старый, но брюки надел новые темно-синие шевиотовые; на этот раз вместо кепочки приготовился надеть шляпу — не новую, но ведь у аккуратного человека вещи долго сохраняются. Вот и шляпа, зеленая велюровая, нигде не залоснилась, не потеряла от времени своей

бархатистости, — вполне приличная шляпа. А вот пальто Исая Андреевич решил сегодня надеть совсем новое, ненадеванное: не черное покупал себе, старческое, но и не какое-нибудь голубенькое, — купил коричневое: и не мрачно, и в то же время солидно, — самое подходящее для возраста пальто. Хотел еще надеть новые коричневые на коже полуботинки, для ансамбля; но подумал и не стал — под калошами все равно не видно будет, — надел повседневные.

На стене наклонно, как картина, висело в темной рамочке зеркало. Исая Андреевич, сохраняя шляпу в руке, подошел к зеркалу; глянул снизу вверх исподлобья, а тот — сверху вниз, но тоже исподлобья. Глянул: череп желтенький, а волосы все еще есть, мосточком через темя, но есть. Горделиво улыбнулся Исая Андреевич.

"Да! То ли мы пили, то ли мы ели? Теперь ведь и масло не то, и молоко не то, да и сам дедушка-хлебушко тот ли? Это еще вопрос. Большая химия. Вот посмотришь на этих молодых: вроде бы и крупные, да разве те? Не те. А в те-то годы?.. Хоть на Машеньку погляди: какая-никакая, а все узнать можно. Ведь узнал же! Поди-ка через полвека нынешних узнай!"

— Господи, почти полвека! — воскликнул Исая Андреевич. — Сорок пять лет! — мысленно он уже и эти сорок пять лет приплюсовал к своей системе (по девяти лет на каждый угол), но о Машеньке... нет, ее он боялся сюда прибавлять, потому что даже не мечталось. — Машенька! — сказал Исая Андреевич и улыбнулся исподлобья, но ласково; а оттуда, сверху исподлобья же, но ласковая улыбка.

— Да, то ли мы ели, — сказал Исая Андреевич, — то ли мы пили?

Выйдя на улицу, Исая Андреевич потоптался немного в нерешительности — велик был соблазн снова пойти к Владимирской площади, — но, подумав, Исая Андреевич решил этого не делать.

— Во-первых, не стоит от плана отступать, — подумал Исая Андреевич, — во-вторых и неудобно: могу показаться Машеньке навязчивым. Если опять ее встречу, может подумать,

что нарочно по Загородному хожу; а у нее, может быть, муж, дети— неудобно. А потом, что за характер— от плана отступать? Нет, я лучше позволю ей через неделю, как раз в понедельник, после прогулки.

И Исаяя Андреевич, чрезвычайно довольный твердостью характера, направился по Разъезжей, чувствуя, что вот он, хорошо и прилично одетый, солидного возраста человек, идет себе по улице, как хочет, не торопясь, и даже не идет, а прогуливается для свежего воздуха и собственного здоровья, и что у него есть квартира и пенсия, и он ни от кого не зависит. Он даже остановился перед витриной магазина, чтобы отразиться в большом стекле и посмотреть на себя в полный рост: как он выглядит? Выглядел исключительно. Жалко только, что стекло— не зеркало и не отражало во всей полноте хорошего качества коричневого драпа, но и по очертаниям фигуры контура видно было, что человек не просто так, а пенсионер; хоть и одинокий, но непьющий и положительный товарищ.

Исаяя Андреевич, понаблюдав, тронулся с достоинством, неторопливо, дальше, но вдруг остановился и с улыбкой зеленую шляпу склонил набок.

По противоположной стороне улицы и опять навстречу осторожной походкой приближалась к переходу Марья Ильинична и, повидимому, собиралась переходить.

"Вот ведь судьба!— подумал Исаяя Андреевич.— Бегать за судьбой не надо— сама найдет. Как это удачно, что я не пошел по Загородному!"

Исаяя Андреевич с умилением смотрел, как она бережно ступает на переход обутой в старомодную туфлю, несоответственной от возраста ногой. Сколько мог быстро он заспешил ей навстречу и— надо же!— под локоть успел ее подхватить на середине перехода.

— Вот мы и снова встретились— кто думал!— запыхавшись произнес Исаяя Андреевич.— Доброго вам утра. Как спали?... Исаяя Андреевич не договорил, потому что проезжавший, тяжелый, груженный мануфактурными тюками, грузовик заставил

его придержать Марью Ильиничну за локоток.

- Благодарю вас, - сказала пожилая женщина, оказавшись на тротуаре, - очень благодарна. Сразу видно: хорошего воспитания товарищ. Разве теперь среди молодежи встретишь любовь. Еще раз спасибо, э-э-э... имя-отчество ваше не напомните?

Исайя Андреевич опешил. "Что же это она? Уже забыла! Только вчера - и вдруг..." Даже губа у Исайи Андреевича обижено отвисла.

- Как! Исайя Андреевич. Ведь - вчера...

- Ах, простите, Исайя Андреевич! - спохватилась старушка. - Забыла, забыла.. Ведь "Свинокопчености"... Так?

- Нет, - поправил Исайя Андреевич, - не "Свинокопчености". Мы вчера на Загородном встретились.

- На Загородном? - сказала старушка. - Не может быть. Ведь вчера понедельник был? Нет, не на Загородном, а по моему в "Свинокопченостях". Ну, вы же ветчину брали. По тридцать семь копеек. Было?

- Вообще-то было, - сознался Исайя Андреевич, - только "Свинокопчености" это позавчера, а вчера тоже "Свинокопчености", только отчасти "Свинокопчености", а отчасти нет, потому что "Свинокопчености" это несколько напротив, а мы у моего дома простились. Теперь вспомнили?

- Точно, - сказала старушка, - точно. Только, Исайя Андреевич, я все равно не помню, где мы с вами встречались.

"Вот-те раз! - подумал Исайя Андреевич. - Теперь уже и не "Свинокопчености!"

- Так ведь вчера же...

- Нет, не вчера, - сказала старушка, аккуратно высвобождая из деликатных пальцев Исайи Андреевича свой локоток и дальше передвигаясь сама. - Что вчера, Исайя Андреевич, то я помню, и что позавчера, тоже помню, - память у меня хорошая. Вы мне лучше скажите: мы с вами прежде встречаться не могли?

- Да как же! - опять удивился Исайя Андреевич. - Да я ведь вас вчера провожал до Ломоносовской улицы. Неужели

не помните?

- Да нет, это я помню,- сказала Марья Ильинична.- Это я помню: ведь вчера понедельник был. Я по понедельникам всегда по Ломоносовской хожу- тут ошибки быть не может. А вот, я помню, в старину...

- Ну, верно,- подтвердил Исаяя Андреевич.- То же самое я вам и вчера...

- Да что вы, Исаяя Андреевич, все - "вчера" да "вчера"? Вот я помню, еще в старину, в молодости... Э-эх, старина-старина! - старушка от удовольствия даже остановилась. Топнула несоразмерной от возраста ножкой.- Старина!

- Вот я и говорю,- обрадовался Исаяя Андреевич,- в старину. Можно сказать, после самой Великой Октябрьской и даже, можно сказать до. Я же тогда ухаживал за вами. Помните, как я ухаживал?

- Ну, как же,- заулыбалась Марья Ильинична,- это же мы тогда на Староневском жили. Помню-помню. Как же, Исаяя Андреевич, были времена. Вы тогда Сашей назывались,- достоверно сообщила старушка, хотя Исаяя Андреевич и сам ей это вчера говорил.

- Верно,- грустно подтвердил Исаяя Андреевич.- Я за вами ухаживал, а вы в юнкера были влюблены.

- В юнкера?- гордо сказала старушка и даже выпрямилась от негодования.- Ни-ко-гда! - твердо сказала старушка.- В юнкера! Тьфу!

- Да напрасно вы так переживаете это,- сказал Исаяя Андреевич.- Я ведь... Я не придаю этому значения: любовь это ведь такое дело. Насильно, как говорится, не будешь приятен. Что же - и юнкер?

- Нет, товарищ, вы что-то путаете,- твердо сказала Марья Ильинична.- Вы меня не за ту принимаете. Никогда я в юнкера влюблена не была.

- Ну, не были, не были,- согласился Исаяя Андреевич, не желая обострять только вчера восстановленные отношения, и хоть ему было неприятно, что Марья Ильинична так решительно отрекается от своей первой любви, что она, может быть, под давлением обстоятельств хранит это в тайне, все же согласился.- Нет, не были,- согласился Исаяя Андреевич.

- Вы, наверное, это просто так говорили. Наверное, просто по какой-нибудь причине говорили.

- Мало ли чего молоденькая девушка не наговорит, - сказала пожилая дама. - Наболтает сорок бочек, а потом сама всю жизнь жалеет.

У Исая Андреевича затрепетало в груди.

- Так вы... вы, - сказал он, - жалели об этом.

- М-м-м! - протянула старушка и повела очками куда-то в сторону.

У Исая Андреевича колени скрипнули и подогнулись.

- Ах! - сказал Исая Андреевич.

Старушка посмотрела на него с улыбкой.

- Ну, прощайте, Исая Андреевич! - сказала старушка, приостанавливаясь возле дома Исая Андреевича. - Дальше не провожайте меня. Дальше я уж сама дойду.

- Вы снова к сестре? - спросил Исая Андреевич.

- К сестре, - сказала Марья Ильинична, - проведать: как она там.

- Вы что, каждый день к ней ходите? - полюбопытствовал Исая Андреевич.

- Каждый день, - сказала старушка, - а раз в неделю у меня сходимся. Прощайте, прощайте, Исая Андреевич. Заходите как-нибудь в гости. Адрес возьмите.

- У меня он вот здесь записан, - с улыбкой сказал Исая Андреевич, прощупывая записную книжку, которую он перед выходом не забыл переложить в карман пальто. - Прощайте! - сказал он. - До свидания вам! - сказал он, и когда старушка уже отошла, он с нежностью прошептал. - Машенька!

Исая Андреевич постоял немного на своем углу, потоптался.

- А ведь помнит мой дом, - удовлетворенно сказал Исая Андреевич. - Все помнит, только вид делает. Ох, кокетка! - сказал он, но сказал это ласково и любовно.

У

- Первый завтрак легкий - второй будет плотный, - с

удовольствием сказал Исаяя Андреевич.

Он подошел к раковине и наполнил водой леечку. Поливая кактусы, мурлыкал про себя песенку юности "Белой акации грозди душистого".

- Белой акации грозди душистого, - пел Исаяя Андреевич, - вновь аромата полны.

Отчетливо пел букву О в слове "аромата", как тогда ее пел, подражая Шула-Шулаковскому, знаменитому в то время певцу. Правда, и тогда не пел Исаяя Андреевич, а только мечтал, как бы он ее спел, если бы у него был для этого подходящий баритон; а теперь вспомнил и опять - на букву О, - мечты пробудились.

С утра слегка прошел дождичек, но теперь совершенно прояснилось: можно выходить. Исаяя Андреевич оделся в новое пальто и опять к зеркалу подошел: что-то последнее время приятно стало к зеркалу подходить. Исаяя Андреевич исподлобья улыбнулся своему отражению, а тот Исаяя Андреевич - исподлобья ему.

- Что, есть еще прическа? Не густо, конечно, однако же есть. Не черные, правда, но и не белые, а все еще серенькие. Не такой уж и пожилой, - сам себе подумал Исаяя Андреевич. - Не так, чтобы молод... Солиден, словом. "Есть еще порох в пороховнице"! Еще и жениться не поздно.

Блаженно улыбнулся Исаяя Андреевич, а сверху ему - исподлобья, но блаженно.

- А что? Машенька, говорит ведь, жалеет. Может быть, вдова? Или брак был неудачей?.. А может быть, даже и не выходила замуж вовсе, - сладко холодея, подумал Исаяя Андреевич, - пора этим поинтересоваться решительно.

Ах ты парень-хват! - пожурил сам себя Исаяя Андреевич. - Как был в юности волокита, так и остался - ничто тебя не берет.

И они с зеркалом улыбнулись друг-другу конфузливо, а все-таки - горделиво.

Исаяя Андреевич в зеленой велюровой шляпе, в пальто спустился по лестнице и вышел на улицу. Соотносительно плану пересек площадь наискосок и пошел по Загородному,

но не так, как позавчера, а к Звенигородской, смело вперед. Но теперь и Марья Ильинична незаметно вошла в его план. Вернее, теперь и план применялся к Марье Ильиничне. Во всяком случае, Исая Андреевич, обратившись мысленно к плану, тотчас перевел его на Марью Ильиничну; что было бы, если бы Марья Ильинична сегодня снова встретила. Но такая встреча, разумеется, была невероятна: не может же одна случайность повториться три утра подряд. И это чистый подарок судьбы, что Марья Ильинична вчерашним утром встретила Исая Андреевичу на Разъезжей улице: путь ее по Разъезжей пролегал бы не должен в виду того, что ее адрес проживания приходился на первую половину Загородного проспекта, а сестра, которую она навещала, имеет местожительство по Ломоносовской улице. "Нет, конечно, совершенно немисливо встретить сегодня Марью Ильиничну", — уговаривал себя Исая Андреевич. Но эти рассуждения были как заклинания, и Исая Андреевич, не прекращая соответствовать плану, сердцем сладко замирал, не то в предчувствии, не то же в силах бороться с надеждой: вдруг да и сегодня произведется волшебный подарок судьбы. Поэтому Исая Андреевич, продвигаясь вперед, бегал глазами вдоль Загородного проспекта: не покажется ли все-таки впереди знакомая и желаемая фигура Марьи Ильиничны — и невольно в противоречие плану, Исая Андреевич все ускорял и ускорял небольшие английские шажки.

У пивного ларька выстроилась очередь. Выстроилась, — зигзагом изогнулась, и все равно — через весь тротуар. Исая Андреевич потоптался вдоль очереди, отыскивая пространства. Все пространства никак не находилось: утренние кровельщики, грузчики и просто алкоголики с похмелья ужались тесно, как будто боялись, как бы кто-нибудь без очереди не влез, или знобило их, — неясно; разговаривали между собой по-современному, гадко, одно слово обыкновенное, а два неприличных, и уж хоть бы ругались, так нет же, разговаривают мирно и даже, как будто, дружелюбно. Не понимал Исая Андреевич такого направления — хотел миновать, но миновать нельзя было — приходилось дожидаться. Только было образовался проход между двумя вот так, хамски беседующими молодцами,

только нацелился Исая Андреевич в этот проход прошмыгнуть, как тут же и остановился, чтобы дать дорогу, потому что — ирония и волшебный подарок судьбы! — увидел в просвете желанную фигуру Марьи Ильиничны. Исая Андреевич повел рукой на себя.

— Марья Ильинична, вот сюда!

Дама застряла, не могла пробраться между двух молодых алкоголиков, замешкалась. Исая Андреевич кинулся туда.

— Пропустите же! Пропустите, пожалуйста, женщину.

Пьяница отступил немного.

— Проходи, бабка.

И еще похлопал по старческой спинке.

Исая Андреевич захлебнулся от гнева, закашлялся, затрясся, не знал, что сказать на непредвиденную дерзость: сталкивался с такими подробностями и раньше Исая Андреевич, но раньше из-за тишины характера их не замечал, вернее, не придавал значения. Сейчас закашлялся. Исая Андреевич подпрыгнул на месте, стукнул молодого наглеца по вздувшейся лапе.

— Как вы смеете, пьяница негодный!

Опухший парень тупо вытаращился на Исая Андреевича.

— Ты что, папаша, озверел?

— Как вы смеете мне тыкать! Вы хам! — кричал Исая Андреевич. — Хам, а я пенсионер!

— Пойдемте, пойдемте, — тянула Исая Андреевича дама, — не обращайтесь никакого внимания на хулиганов.

Исая Андреевич с тяжелой одышкой подчинился Марье Ильиничне. Он только еще раз обернулся и гневно крикнул: не крикнул, а прошелестел:

— Вы лишились всех прав состояния!

— Ну, будет, — успокаивала Марья Ильинична, — не стоит так волноваться, не стоит горячиться: в вашем возрасте сердце нужно беречь.

— Современная молодежь! — с горечью сказал Исая Андреевич.

— Да, это конечно, в этом вы правы, — поддержала Марья

Ильинична.— Молодежь теперь не та: нет теперь рыцарства. В наше, помните? время... совсем другое дело было. Другое отношение к старикам. А уж к женщине, к даме... И ларьков этих скверных не было— кто их только придумал?— и пьяный на улице в те времена уж такая редкость: мальчишки за таким бегали толпой, дразнились. Вы помните? Да и вообще жизнь была,— сказала старушка.— Музыка играла, много военных— разве сравнишь? Да.

— Теперь не тот народ,— сказал Исая Андреевич,— ко-ренных—то ленинградцев ведь и не осталось почти: понаеха-ли разице из Пскова.

— Слава Богу,— сказала старушка.— Не нам с ними жить. Как посмотрю, так, знаете ли, радуюсь, что у меня ни детей, ни внуков нет.

Исая Андреевич живенько намотал это себе на ус.

— Что ж не обзавелись, простите за любопытство?— спросил Исая Андреевич.

— Да мне как-то не к лицу,— возразила старушка,— я ведь девица.

— Так вы, значит, все-таки не вышли замуж?— вострепел Исая Андреевич.

Старушка странно посмотрела на Исая Андреевича и от-ветила:

— Нет, не вышла.

— Отчего же?— спросил Исая Андреевич.— Вам ли с вашей-шей внешностью было в девушках оставаться?

Старушка еще страннее посмотрела на Исая Андреевича и сказала:

— Стоит ли об этом?

— Ах, стоит, стоит!— воскликнул Исая Андреевич.

— Да что же так сразу? Неудобно.

— Да почему же неудобно?— настаивал Исая Андреевич.— Дело известное, к тому же давнее, прошлое. Поверьте, я не злоупотреблю: мне ли злоупотребить! Ведь и сам, можно сказать, трагедию пережил.

— Пережили?— спросила Марья Ильинична.

— Пережил,— заверил Исая Андреевич.

- Ну что ж, - немножко жеманясь, сказала Марья Ильинична, - раз уж вы так настаиваете... И потом, действительно, дело прошедшее... Было, было! - сказала старушка. - Была молодость; был у меня кавалер. Молодой, блестящий. Да, видно, не судьба была нам соединиться.

Исайя Андреевич затаил дыхание. Подумал: не он ли это, молодой и блестящий.

- Кто же это? - робко спросил Исайя Андреевич.

- Был юнкер, - вздохнула старушка, - был молодой, блестящий: пробор по ниточке, шпоры, золотой зуб, - знаете, как это выглядит?! - Марья Ильинична топнула несоразмерной ступней так, что мелкие брызги полетели. - Было! - сказала Марья Ильинична. - Ухаживал за мной, букеты подносил, предложение руки и сердца делал.

Исайя Андреевич, пока старушка вспоминала, свое изумление мог выразить только беспорядочными жестами, а когда Марья Ильинична закончила - растерялся.

- Как - юнкер? - растерялся Исайя Андреевич: никак не ожидал он такого после вчерашнего.

- Юнкер, - сказала старушка. - Э-э-э! - сердито сказала она. - Что вы все, действительно? Вы все думаете: юнкера только и знали, что революции подавлять. Будто у них другого дела не было! Не-е-ет, юнкера тоже разные бывали. Некоторые за отечество проливали кровь. То в революцию уж другие были юнкера, а мой жених еще до революции погиб, так до светлого будущего и не дожил, - старушка горестно вздохнула.

Исайя Андреевич все никак опомниться не мог.

- Юнкер, вы говорите? А как же...

- Так, - сказала старушка. - В шестнадцатом году окончил школу и был произведен в офицеры. В прапорщики, - с гордостью сказала старушка. - Мне так это нравилось! - старушка покачала головой. - Такой молодой! Такой блестящий! - старушка вздохнула. - Отправили на фронт, - сказала она, - во Францию, в экспедиционный корпус. Там он и лежит.

- И из-за этого вы... - Исайя Андреевич решил оставить пока тот вопрос.

- Можно сказать, что из-за этого,- сказала старушка.- Ну, вообще-то и после были жемихи. У кого-кого, а у меня... Вот например, один гимназист,- Исаяя Андреевич поймал кокетливый взгляд и вес запылал.- Да,- продолжала старушка,- гимназист. Что вы на меня так смотрите? Я ведь тоже гимназисткой была: единственная в семье,- не без гордости сказала старушка.- Так этот гимназист,- старушка сверкнула очками,- с пятнадцати лет за мной ухаживал. Пять лет! Да я все не шла за него: так верна была убитому офицеру,- она еще раз вздохнула.- Потом уж и об этом пришлось пожалеть.

У Исаяи Андреевича заслезились глаза. Он остановился, вытащил из кармана носовой платок, развернул и долго сморкался.

- Прошу прощения,- сказал Исаяя Андреевич.- Я не знал. Ничего этого всего не знал.

- Да что там! Это "дела давно минувших дней, преданья старины глубокой",- сказала старушка.- Я уже и переживать забыла. Уже и жалеть перестала: век прожила - и ~~еж~~ слава Богу.

- Нет, вы не думайте так! - горячо возразил Исаяя Андреевич.- Не думайте так: ведь судьба... она порой такие шутки шутит. Знаете, не надо сдаваться,- убеждал Исаяя Андреевич.- Мы с вами еще поборемся. Вдруг, и для нас с вами еще не все потеряно. Может быть, и нам с вами на закате наших дней еще засветит солнышко.

Старушка искоса, минуя очки, и даже с некоторым опасением посмотрела на Исаяю Андреевича: видимо, темперамент его речи смутил, а может быть, и напугал ее.

- Ну я, пожалуй, дальше одна,- сказала она, останавливаясь на одном из пяти углов,- я одна... Я потороплюсь. Мне к сестре: вы не провожайте меня,- торопливо говорила Марья Ильинична.- Прощайте, всего вам доброго.

- Да-да, прощайте, со слезами на глазах сказал Исаяя Андреевич,- прощайте. Всего самого лучшего вам!

Старушка, насколько могла, быстро повернулась и зашеменила по Разъезжей, а Исаяя Андреевич, приподнявшись на цыпочки, еще крикнул ей вслед:

- Я вам в понедельник позвоню-у-у!

Марья Ильинична обернулась, очень странно посмотрела на Исая Андреевича, махнула зонтиком и пошла дальше.

И только тогда Исая Андреевич удивился.

"Что же это она по Разъезжей пошла?— догадался Исая Андреевич.— Ведь если к сестре, то надо вовсе не по Разъезжей, надо по Ломоносовской улице идти."

Тут было какое-то несовпадение, но Исая Андреевич, пребывавший под обаянием, был далек от подозрений.

У1

Исая Андреевич вставил челюсть и принялся за легкий завтрак.

- Странно немножко вчера вела себя Машенька,— подумал Исая Андреевич, намазывая на булочку мягкий, как масло, сырок,— странно. Не то странно, что в своем юнкере созналась— что ж первому встречному о таких вещах рассказывать: юнкер это не рабочий и не матрос. Конечно, теперь не те времена, чтобы за юношеское увлечение юнкером— неприятности, но все равно, обжегшись на молоке, дуешь на воду: зачем так сразу— откровенность? Ведь сорок пять лет прошло: мало ли как я мог измениться, тем более, что она меня и помнит не очень хорошо,— так что вполне могу понять и одобряю даже такую осторожность. И не это странно, а странно она на меня в последний раз посмотрела. Будто испугалась чего-то. То не боялась, не боялась— и вдруг... И не только это, еще странно, что она по Разъезжей пошла. Зачем она по Разъезжей пошла? Ведь ее сестра по Ломоносовской проживает. А вчера?..— внезапно озарило Исая Андреевича.— А позавчера? Я ведь ее вчера не на том направлении встретил. А позавчера вообще на Разъезжей. Странно это. Куда бы это она ходила так рано? Нет, если она из дому шла, то должна была от Владимирской идти. Куда же все-таки она ходила так рано? Вот в чем особенная странность,— подумал Исая Андреевич.— Видно, что-то Машенька скрывает. Что-то

тут не то. Нет, ничего, — успокоил себя Исаяя Андреевич, — это разъяснится. Вот и с юнкером она тоже поначалу скрывала, а потом почувствовала доверие, почувствовала близкого человека — и призналась. Так же и с улицами будет. Сейчас скрывает, а потом почувствует доверие — и расскажет. Расскажет все об этих улицах: почему туда ходит. А может быть, она адрес не свой дала? При первой встрече могла и вовсе не доверять и, на всякий случай, ложный дать адрес. На первый случай. Разные могут быть на это причины: бывают же и грабители. Тем более, что и выглядел я не так в тот раз элегантно: старый плащ, кепочка...

— Э-э-э, да что! — сказал Исаяя Андреевич. — Грабители бывает и поэлегантней нас одеты: у таких все есть, им ведь деньги даром даются. Нет, не похоже, чтобы грабители, тут дело в чем-то другом.

"А может быть, ей жить негде? — с внезапным ужасом подумал Исаяя Андреевич. — На лавочке ночует?.. Да нет, — даже засмеялся про себя Исаяя Андреевич, — какая нелепость! При советской власти... Взбредет же в голову, — Исаяя Андреевич опять про себя посмеялся. — Нет, тут какая-то простая причина, обычная."

Но сколько ни ломал себе голову Исаяя Андреевич, так ничего придумать не смог.

— Ничего, — в конце концов сказал Исаяя Андреевич. — Главное, что отношения наши с Машенькой развиваются успешно; а насчет всех этих тайн, то на это все мое время. Может быть, просто из кокетства не туда пошла.

Погода была светлая, но сегодня не солнышком, а обычным осенним освещением. Исаяя Андреевич, выйдя на улицу, огляделся и согласно плану пошел по Ломоносовской.

Как была, так и осталась улица: все не заасфальтируют. Правда, говорят, что бульжник до некоторой степени лучше, от бульжника здоровья больше, — но проходить по бульжнику все же не так удобно, как по асфальту.

"Зачем мне переходить? — подумал Исаяя Андреевич. — Мне и на этой стороне хорошо."

Так и пошел Исаяя Андреевич по этой стороне — на ту сторону переходить не стал, — пошел, поглядывая на окна и дворики и радуясь, что Ломоносовская не имеет предприятий торговли с витринами. А то, хоть бы и на витринах, насмотришься за пятидневку товару — зачем тогда и в универмаг ходить? А так, по плану, получается весело: в будни — ничего такого, просто прогуляешься, посмотришь на охрану природы, и как в сфере обслуживания сотрудники работают; как наша молодая смена в школу и в профессионально-технические училища идет. А вот еще интереснее голубей кормить. Может быть, попробовать их кормить?

Это Исаяя Андреевич подумал, оттого, что он увидел, как напротив, через дорогу, в скверике старушка кормит голубей, а в следующее мгновение увидел, что это не старушка, а Марья Ильинична, его Машенька, кормит голубей. Машенька сидела на лавочке и кормила голубей, собравшихся вокруг ее обутых в старомодные туфли, несоразмерных от возраста ног.

Исаяя Андреевич радостно остановился.

— Ну, уж везет, так везет! — сказал Исаяя Андреевич.

Исаяя Андреевич заторопился скорее на ту сторону, пока Машенька сидит. Он поспешно, но осторожно перебрался по скользкому булыжнику, перешел. Присел на лавочку рядом со старушкой.

— Доброго утра! — пожелал Исаяя Андреевич, приподнимая за краешек зеленую шляпу.

— Здравствуйте, — отвечала старушка, продолжая крошить голубям черствую булку.

— Голубей кормите? — спросил Исаяя Андреевич, хотя и сам видел, что Марья Ильинична кормит голубей.

— Каждое утро кормлю, — нехотя отвечала пожилая женщина. — Что еще одинокой вдове делать?

— Вдове? — переспросил Исаяя Андреевич. — Как — вдове?

— Вдове, — недовольно сказала старушка. — А как меня еще называть? Мужа похоронила, двух детей в Ташкенте имею, — кто же, как не вдова?

- Как же?— сказал Исайя Андреевич, озадаченный таким поворотом,— Да вы разве не девушка?

Старушка посмотрела на Исайю Андреевича поверх очков, отодвинулась немного.

- Вы- что? Вам что, товарищ, надо?

- Да нет, но вы же сами...

- Что - сама?

- Ну, вчера,— Исайя Андреевич затруднился на секунду.
- Ведь вчера вы совсем противоположное говорили.

♀ Я? Что-то не припомню,— женщина собрала губы, как сухофрукт.

- Но ведь не кто-нибудь, вы же сами мне эту историю доверили.

- Вчера? Послушайте, как вас зовут?

- Исайей Андреевичем,— сказал Исайя Андреевич, уже немного привыкший к странностям своего предмета,— Исайей Андреевичем, вы же знаете.

- Не помню,— сказала старушка.— Тут много разных, кому делать нечего.

Исайя Андреевич от чувств засопел.

- Знаете...— возмущенно начал Исайя Андреевич.

- Да-да,— едко сказала старушка, как бы намекая на что-то нехорошее,— много тут всяких. Один на днях так прямо на квартиру приглашал, а с виду— порядочный человек.

- Так это же я приглашал!— возмутился Исайя Андреевич.
- Но я же...

Старушка быстро взглянула на Исайю Андреевича.

- Нет,— уверенно сказала старушка,— тот не еврей был.

- Но ведь я тоже не еврей,— сказал растерянно Исайя Андреевич,— я коренной ленинградец и родился я в Петербурге.

- Ну как же, не еврей?— сказала старушка.— Исаак.

- Во-первых, не Исаак, а Исайя,— поправил Исайя Андреевич,— а во-вторых...

- А во-вторых, говорю, что не вы, значит не вы,— резко сказала старушка.— Другой был, тоже шустрый. Да и вооб-

ще я- не про вас, я- без личностей.

- Но это же я был, только...

Старушка опять посмотрела:

- Нет, не вы.

- Просто я по-другому одет был, вот вы и...

- Ну, и тем хуже,- сказала старушка,- нечем тут похвалиться. Как вас, говорите, зовут?

- Исайя Андреевич,- автоматически повторил Исайя Андреевич.

- Так вот стыдно, Исайя Андреевич.

- Но Машенька!..

- Я вам не Машенька,- сказала Марья Ильинична.

- Извините, пожалуйста, я ведь по старой памяти.

- Да-а, память не та стала,- согласилась старушка,- никуда стала: что когда было- ничего не помню. Одни только лотерейные билеты помню.

- Значит и меня не помните?- печально сказал Исайя Андреевич.

- Да нет, вас, вроде, вспоминаю, как напомнили.

- А вчерашнюю нашу встречу вы помните?

- Вчера мы не встречались,- уверенно ответила старушка.

- Да как же, вспомните- встречались. Еще прошлое наше с вами вспоминали.

- Какое прошлое?- спросила старушка.

- Ну, наше; ваше и мое.

- А чего это?- старушка недоверчиво посмотрела на Исайю Андреевича.

- Ну, как я... Как я за вами ухаживал и так далее.

Старушка посмотрела на Исайю Андреевича и насторожилась. За проволочными очками мелькнуло что-то, как будто какое-то воспоминание- не то вчерашнее, не то совсем давнее, из молодости, из времен девичества,- какое-то слабое напряжение, которое все усиливалось, росло- и вдруг старушка подпрыгнула на скамейке.

- Хха-а! Сашок!- радостно крикнула старушка и хлопнула Исайю Андреевича по плечу.

- Сколько лет, сколько зим! - крикнула она. - Куда же ты парень тогда пропал?

Исайя Андреевич растерялся от такого панибратского обращения. Как-то совершенно это не вязалось, ни со вчерашним, ни со всем обликом Марьи Ильиничны. Исайя Андреевич и заговорил не сразу, а только, когда пришел немного в себя. Тогда, закрыв рот, поскольку он так и сидел с открытым, а потом снова открыв его, он стал пересказывать уже трижды рассказанную историю своего переезда. Но, рассказывая, он вовсе не думал о том, что говорит, а повествовал автоматически, сам же тем временем соображал: что же это опять такое стряслось с Марьей Ильиничной, что не только спутало в ее воспоминании даты и события? это бы еще ничего, - но также сделало ее из расположенной и общительной, даже, можно сказать, доверчивой, вдруг неприязненной и подозрительной и добавило неожиданной фамильярности, которой разве что от мужчины, да и то какого-нибудь новомодного можно было бы ожидать.

- А почему это епархиальная? - вдруг перебила Марья Ильинична. - Вы что, из жереблячьего сословия?

- Папа мой, собственно, из духовенства, - отвечал шокированный Исайя Андреевич. - То есть папа был дьяконом, но ведь вы же знали об этом факте.

- Ишь ты! А прикидывался сознательным рабочим классом, - сказала Марья Ильинична. - То-то я чувствовала: что-то здесь не то.

- Да нет, что вы! - удивился Исайя Андреевич. - Я за потомственного рабочего никогда себя не выдавал. То есть я не имел ничего против, но сам я, из духовенства происходил...

- Ничего подобного, - оборвала его старушка. - Что я, по-вашему, сумасшедшая? Уж кому-кому, а мне ли не помнить? Уж кто потерпел, как не я? Прикидывались, говорили, что краснопутиловец, а вышло вон что.

- Да нет же, - пытался оправдаться Исайя Андреевич, - я ничего...

- Ладно,- отрубила старуха,- не будем. Кто старое помнит, тому глаз вон. Только не воображайте особенно о себе: я потом тоже недолго горевала. Нашелся хороший человек: взял и такую- не посмотрел. И что? Век прожили. Всего пять лет, как похоронила. Достойный человек был, ударник физического труда, фронтовик, знаки имел,- вот так. Я свою жизнь хорошо прожила- не жалуясь.

- Вот, значит, как у вас судьба удачно сложилась,- с завистью сказал Исая Андреевич,- а я так на всю жизнь холостяком и остался.

- А не нужно порхать было,- сказала старушка,- не нужно порхать мотыльком,- она обиженно собрала ротик в морщинки,- и обманывать не нужно. А то обещал жениться, а потом - в кусты.

- Кто? Я- в кусты?- изумился Исая Андреевич.- Да что это вы, Машенька, такое говорите!

- Я вам не Машенька,- строго сказала Марья Ильинична.

- Да-да, я понимаю,- поник Исая Андреевич,- пусть не Машенька, раз вам не угодно. Только вы ошибаетесь, путаете. Я в кусты не прыгал и не порхал: ведь все по-другому было.

- Да что старье ворошить?- сказала старушка.- Жизнь прожита, а кто виноват,- что об этом разговаривать?

- Да, вы правы,- совсем сник Исая Андреевич,- вы правы. Только что же теперь делать?

- А ничего не делать,- ответила старушка.- Который час, вы не скажете?

- Девять,- сказал Исая Андреевич, посмотрев на подарочные часы,- ровно без одной минуты девять.

- Мне пора,- сказала Марья Ильинична,- мне к сестре идти: я пойду.

- А можно мне хоть проводить вас?- робко спросил Исая Андреевич.

- Провожайте,- равнодушно сказала старушка.

УП

Исайя Андреевич проснулся рано и долго ерзал и ворочался в постели, даже головы не высунул из-под одеяла, чтобы посмотреть на будильник, и только, когда зазвонило, он нехотя встал, решив, что в любом случае не стоит ломать английский план.

Чтобы отвлечься от мыслей и не думать, долго и старательно чистил зубы и еще вставную челюсть — отдельно. Завтракал, нарочито жуя и стараясь сосредоточиться на том, что завтрак — легкий. А потом вышел в коридорчик и там, не дойдя до комнаты, все-таки не выдержал и задумался. Очень много мыслей сразу полезло в голову, так много, что Исайя Андреевич только разводил руками и повторял:

— Ну что такое?

И еще:

— Ну что ты скажешь?

Наконец Исайя Андреевич увидел, что бесполезно бороться с мыслями, и решил подумать. Но как только он собрался подумать, мысли наоборот стали разбегаться. Так что Исайя Андреевич опять разводил руками и говорил:

— Ну что ты скажешь?

И опять:

— Ну что такое?

Действительно, было над чем подумать Исайе Андреевичу и, действительно, трудно было подумать что-нибудь определенное. Если бы дело чего-то другого касалось, а не их с Машенькой прежних отношений, то тут Исайя Андреевич еще мог бы предположить какое-то там недоброжелательство или клевету, или на почте анонимное письмо, но ведь тут-то другое дело: сама Машенька утверждала, что Исайя Андреевич ее никогда бросил, и не просто бросил, а "в кусты". Уж он ли- "в кусты"? когда он- всем сердцем и руку предлагал.

Да не может быть! Да ведь тут же еще и ташкентские дети, тут и муж, от которого она, правда, овдовела, но ведь был же...

- Что же это за семь пятниц на одной неделе? - жалобно спросил Исайя Андреевич. - Ну хорошо, если не помнишь, ну так и скажи: дескать не помню, Саша. А то ведь, что ни день, то новая пятница. Да еще и обидные слова: разным назвала и еще - летуном.

"Летуна" Исайя Андреевич уже от себя придумал, для дополнительной обиды, уж очень его огорчало вчерашнее машенькино поведение.

"А может быть, она чем-нибудь расстроена была? - с надеждой подумал Исайя Андреевич. - Если Машенька расстроена была, тогда - ничего: могу и потерпеть. Ведь в таком возрасте любая вещь может явиться причиной для расстройства. Я, будучи мужчиной, могу уступить, а женская душа - загадка. И великие мыслители над этой загадкой бились, но так ее и не разгадали. А-я? Где мне?"

"А ведь точно, расстроена была", - обрадовался Исайя Андреевич.

"А ты вспомни, куда она пошла! - крикнул Исайя Андреевич. - Ты вспомни, вспомни! Ага, вспомнил? То-то! Ведь она домой пошла. Ведь ты же ее домой провожал, неразумный ты человек! Видно, она так расстроена была, что решила к сестре не идти."

"А-а-а... - подумал Исайя Андреевич, - а-а-а не могла ли она по какой-нибудь другой причине к сестре не пойти? А вдруг та... умерла? - подумал Исайя Андреевич. - Вот она и не пошла."

"Да нет, - сказал Исайя Андреевич, - глупости, вздор. Что ж бы это она, так спокойно голубей кормить стала? На темы разговаривать? Нет, да она вообще веселилась. То какое-то "Сашок". Такая культурная дама - и вдруг - "Сашок"!"

А может быть, это она так шутит, подшучивает над ним для веселости?

Наконец, Исайя Андреевич решил от этих мыслей отдохнуть.

"Есть план, - сказал себе Исайя Андреевич, - есть план - и будь, что будет."

Исайя Андреевич надел свой старый плащик и вышел.

Выйдя, Исайя Андреевич усомнился в плащике, но не возвращаться же ему было назад— переодеваться? Знал, что если вернется назад, то уж тогда— прощай прогулка!— не хватит сил. А прогуляться было необходимо, и не только из-за нерушимости плана, но и сегодня— особенно. Потому что, чтобы свежим воздухом подышать и успокоиться. И Исайя Андреевич с неестественно, с втянутой в плечи головой, выпрямляясь, тогда как хотелось съежиться, и от этого слишком высоко поднимая коленки, зашагал по бывшей Троицкой, даже не оглядываясь на витрины и не читая никаких объявлений и вообще окостенев и напружинившись в своем дурном настроении.

"Нет, не шутки она шутит,— думал Исайя Андреевич,— не шутки и не для веселости. Тут может быть разгадка в другом. Может быть, возраст: забывается? Может быть, у нее склероз или другая от возраста и переживаний болезнь? Все может быть,— подумал Исайя Андреевич,— от этого не легче. Однако тайну эту так или иначе надо раскрыть: за счастье надо бороться."

Исайя Андреевич напряженными стопами уже прошел почти два квартала и потихоньку начал подумывать, что не пора ли ему, Исае Андреевичу, повернуть обратно, когда в доме на углу Щербакова переулка открылась парадная дверь и оттуда показалась родная, несоразмерная от возраста и переживаний, обутая в черную с ремешком, старомодную лаковую туфлю, нога. За ногой появилась пола черного порыжелого пальто, половина хозяйственной сумки и голова в очках и в шляпке. Марья Ильинична, придерживая дверь, осторожно вышла на истертую каменную ступень и со ступени спустилась на тротуар. Отмахнув для инерции сумочкой, она повернулась и пошла в сторону Исайи Андреевича, но при этом она игнорировала, не замечала его или не обращала на него никакого внимания.

— Марья Ильинична,— окликнул ее Исайя Андреевич,— доброго утра!

Старушка остановилась и напряженно и неприязненно оглядела Исая Андреевича с ног до головы, и Исае Андрее-

вичу даже показалось, что она смерила его взглядом. От этого ее взгляда Исайе Андреевичу стало зябко, еще прохладнее, чем до сих пор было, однако Исайя Андреевич продолжал стоять, ничего не прибавляя к приветствию: ждал того, что Марья Ильинична ему ответит.

- Здравствуйте,- холодно сказала старушка,- я ваша тетя.

"Что это она? Что это с ней?- ужаснулся Исайя Андреевич,- Уж совсем!.."

- Вы... Вы меня опять не узнаете?- растерянно спросил он.

- Это вы меня не узнаете.

- Я же Саша. Вы что, неужели забыли?

- Ну Саша. Ну и что?- каркнула старуха,- Хватит подъезжать- всяких видели. Хха, Саша!

- Как же? Я же вчера...

- Что - вчера?- злобно спросила старуха.

- Но вы... Вы неверно поняли вчера. И все-таки... А позавчера, так тогда...

- "Вчера, позавчера",- передразнила старуха,- Не морочьте мне голову",- сказала она, минуя Исайю Андреевича.

- Как же... Как же это!- Исайя Андреевич засеменил, забежал вперед,- Марья Ильинична!

- Да отстаньте от меня, нахал!- старуха пыталась обойти Исайю Андреевича.

Себя не помня, что делает, Исайя Андреевич заступил Марье Ильиничне дорогу. Старуха быстро сунула руку в карман и вытащила оттуда милицейский свисток на цепочке.

- Буду свистеть,- грозно сказала старуха.

Потрясенный Исайя Андреевич отступил в сторону, а старуха все-таки обошла его и пошла по улице вперед. Исайя Андреевич, уцепившись за верхнюю пуговицу плаща, стоял и глядел, как колеблется и расплывается какой-то зыбкостью удаляющаяся фигура. Кровь билась в висках, и он ничего не понимал.

УШ

Всю ночь военной дробью барабанил по стеклам дождь и всю ночь метался Исайя Андреевич среди неудобных ему пружин. Они как будто все разом объявили ему войну: только пристроится Исайя Андреевич в какой-нибудь выгодной позиции, тут же проволока вдавится жесткой окружностью в бок; повернется Исайя Андреевич, сейчас же почувствует острое давление под лопаткой.

"Как все вместе! - думал сквозь тяжелую дрему Исайя Андреевич. - И обстоятельства эти несчастные, а тут еще и пружины, - как все это сразу!"

Наконец навалился на него среди ночи тяжелый мучительный сон, такой сон, что лучше б и не засыпать, - кошмар, а не сон. Снилось ему его возлюбленная, но ужасная, многоликая, точнее, не многоликая, а о пяти главах, пяти руках, пяти ногах и пяти углах.

- Вавилонская блудница, - выдавливая из сушеного горла кляп, пытался шептать Исайя Андреевич, - ты еси на пяти холмах.

Но она стала в обольстительном образе, вытащила из кожанной хозяйственной сумки пять характеров и все как один предъявила: первый характер нежный; второй - авантажный; третий - марьяжный; четвертый - важный; а пятый - куражный.

- Есть еще и шестой, - сказала старушка, - пассажный, - а потом улыбнулась и с неверной лаской сказала. - Вот тебе, Сашенька, загадка. Попробуй - отгадай.

"Умылся не так, нарядился не так, поехал не так, заехал в ухаб и не выехать никак."

- Что ж тут отгадывать? - пытался выдохнуть Исайя Андреевич. - Нечего тут отгадывать - знаю я эту загадку. Это же про деревянный пирог с мясной начинкой. Для чего вам эти загадки, Марья Ильинична?

- А тогда скажите, Исайя Андреевич, для чего у меня пять характеров?

- Это, чтоб меня побольше мучить! - без голоса, одним

сердцем вскричал Исаяя Андреевич.

- А вот и неправда, Исаяя Андреевич,- сказала Марья Ильинична,- это для того, чтоб побольше именин праздновать; да женихов побольше, да очков, да зонтиков, да квартир, да ботишков.

- Помилуйте, Марья Ильинична!- протестовал Исаяя Андреевич.- Да зачем же вам столько ботишков?

Но на уже извивалась перед ним в прихотливых позах и орнаментах: то стелилась по стенке, как ползучее растение, то откидывалась на салатной софе, обмахивалась японским веером, растленная гимназистка, и хохотала до упаду, до истерики и требовала крышону; а потом вдруг овдовела, покрылась черным платком и сказала:

- За того убитого краснопутиловца отомщу проклятым немцам.

И долго пасмурно и одновременно ласково что-то, а что, неясно, повествовала Исаяе Андреевичу, который в то же время знал, что он убитый путиловскими немцами красноюнкер, хотя тоже знал, что он никогда ни краснемецем, ни путиловским юнкером не был. Но глядя, как текут слезы по незаслуженно-морщинистым щекам, и самому хотелось плакать о своей безвременной гибели. Понял он, что не дожил до пенсии и подумал:

"Вот каверза!"

И проснулся. Сердце колотилось, как электрическая кофейная ~~механика~~ мельница в руках.

Завтракал Исаяя Андреевич в это утро не то что легко, а вообще без всякого аппетита, а потом слонялся по квартире, не имея дела и не зная, куда бы ему пристроиться. Так и ходил, терзаясь предчувствиями и ревностью, и время от времени вслух с рыданиями повторял:

- Где же она ночевала? Отчего же она дома не ночевала?

И еще восклицал:

- Ах, как она жестока была!

Не мог понять Исаяя Андреевич причины этого странного охлаждения, ни упреков в ветренности, ни милицейского свистка. А милицейский свисток уж просто казался ему чудовищным: чтобы так его, как какого-нибудь пьяницу, который мешает нам жить, или хулигана, или незнакомого! Выйти, позвонить ей сейчас же, потребовать объяснения!

"Нет, - остановил себя Исаяя Андреевич, - нет, не отступлю от плана. Позвоню ей в понедельник, как постановил. А до той поры еще с Шурочкой посоветуюсь: может быть, и не позвоню - накажу. Пусть знает, - подумал Исаяя Андреевич, - у меня тоже гордость есть, а женихи нынче на дороге не валяются. Да я, если захочу... Я себе пятерых невест найду, - гордо думал Исаяя Андреевич. - Что я, хуже других? - думал Исаяя Андреевич. - Чем я парень не хорош?"

Исаяя Андреевич прямо направился к зеркалу. Лицо было желтое и глядело исподлобья. Под глазами были мешки, такие, какие и в трудовые будни редко видел.

- Устал, - сказал Исаяя Андреевич, - устал. Мне бы жениться, - сказал Исаяя Андреевич и расплакался.

В таких сумбурных чувствах и рассуждениях Исаяя Андреевич прожил часов до десяти, а в десять, истерзанный, он забылся в глубоком кресле и проснулся в половине двенадцатого от удушья. Исаяя Андреевич вспомнил, что забыл расстегнуть перед отдыхом воротничок, расстегнул.

- Половина двенадцатого, - приказал себе Исаяя Андреевич, - пора план продолжать.

После дождя солнышко вышло снова, как говорится, выглянуло. Осеннее солнышко, прощальное. Тем не менее, хоть и прощальное, солнышко приободрило Исаяю Андреевича, и теперь, после сна он приобрел возможность рассуждать здраво.

"Просто взбалмошная девчонка, - здраво рассуждал Исаяя Андреевич, - дерзкая, взбалмошная девчонка. Кокетка. Как была в девичестве кокетка, так и осталась.

Надо позвонить ей в понедельник, — подумал Исайя Андреевич, — но позвонить с достоинством: я, мол, Марья Ильинична, не навязываюсь, мол, право выбора, Марья Ильинична, за вами — вы дама.

А нет, — подумал Исайя Андреевич, — так и ладно. Я еще не так плох, я себе пятерых найду."

Исайя Андреевич энергично встал — и почувствовал, что сердце у него бьется с переборами, а коленки дрожат.

Дрожащими коленками прошел Исайя Андреевич на кухню и приготовил себе второй завтрак. Однако есть совсем не хотелось. Усилием воли прожевал Исайя Андреевич вчерашний по покупной пирожок, запил тепленьким кофе, но для порядка все-таки сказал:

— Второй завтрак — плотный.

Посуду мыть не стал — хотелось скорей из дому, в Пассаж, где много народу и товаров, и можно развлечься, и соответствует плану. Еще подумал было Исайя Андреевич, как ему сегодня одеться: может быть, в пальто и шляпу?

— Надену плащ, — решил Исайя Андреевич, — как хочу, так и одеваюсь, — грубо сказал Исайя Андреевич и надел кепку.

Исайя Андреевич пробирался в толпе, преимущественно дамской, потому что Пассаж недавно перешел на женское обслуживание. Это обстоятельство не смущало Исайю Андреевича: помимо женских здесь были товары и сувенирные, и электрические, и посудно-хозяйственные тоже. Да и женские товары, они что, кушать просят? Все равно покупать ничего Исайя Андреевич не собирался: так ведь пришел, по плану, посмотреть. Правда, давно подумывал Исайя Андреевич о покупке нового галстука, но он знал, где такой галстук продается, и откладывал это до следующей субботы, когда пойдет в Гостинный двор; а сейчас не до покупок было — уж только бы все изобилие досмотреть, — там и домой. Да полежать, отдохнуть, потому что здоровье здоровьем, а сердце побережь тоже надо: что-то оно — с переборами, не то что раньше, "пла-

менный мотор". Исаяя Андреевич остановился, чтобы заинтересоваться в посудо-хозяйственном отделе ярко-красной чугунной латкой. Он не собирался ее себе покупать, просто-красиво.

"Для чего мне, холостяку, посуда?— подумал Исаяя Андреевич.— Вот если бы..." Исаяя Андреевич принудил себя не думать и пошел в другой отдел ощупывать ткани. Ткани оказались хорошие, добротные, и наощупь, и так, как до Революции— и тогда Исаяя Андреевич ничего не знал, кроме черного гимназического сукна,— но мысленно подумал, что ткани, как до Революции: до Революции все было добротное, тогда и улицы были чище, и люди приветливее, и солнышко светило ярче. А главное, тогда все было впереди: и служба, и удовольствие, и первая любовь. А теперь и последняя в прошлом.

"Что ж так?— подумал Исаяя Андреевич.— Вот, вроде бы, все еще было впереди: пенсия, заслуженная старость, английский план, и вдруг— все позади. "Любви все возрасты покорны",— подумал Исаяя Андреевич и пошел, толкался, среди чужих и озабоченных женщин; мелькая в зеркалах своей маленькой, вмиг постаревшей и сгорбленной фигурой; спеша скорее к выходу, на воздух— и домой, чтобы уж больше никаких планов: ни английских, ни русских— никаких. Нелепо, глупо строить планы, имея шестьдесят пять лет от роду жизни и неизжитую в сердце любовь. Седина в бороду, бес в ребро и нет коллектива, чтобы удержаться от соблазна. Это от одиночества, от индивидуального образа жизни начинается воображение. Вот и опять этот образ двоятся и мельтешит в глазах. Машенька! Это Машенька села на кожаную подставку и вот примеряет на ногу, несоразмерную от возраста и переживаний, черный суконный ботинок на молнии и резиновой подошве. Да нет, вроде бы это, и в самом деле она, вон и в зеркале отражается, тоже она; и там еще, в зеркале, или... что же это? Почему та не сидит? И еще отсюда, повернувшись с ботиком в руке, с радостной улыбкой сморщенного лица направляется прямо навстречу ему; а та, сидящая, встав, топнула ботиком, несоразмерным от возраста и переживаний, и

старческим голосом кричит:

- Исаяя Андреевич! Посмотрите-ка, как мне этот ботик к лицу.

"Господи! Это же не зеркала- это тени,"- подумал Исаяя Андреевич.

Это же его собственный план осуществился для него так роковым и непостижимым образом.

И когда Исаяя Андреевич понял это, все вместе- зеркала и стеклянные двери, со всеми этими старушками, зонтиками, ботиками и очками- с пяти сторон сойдясь над ним в узкую пятигранную пирамиду, внезапно осело, брызнуло на него, лопнуло со звоном и разлетелось в мелкие сверкающие дребезги.

1X

У въезда на кладбище, как всегда, пришлось подождать, а потом еще ждали в автобусе. Александр Иванович куда-то ходил и через полчаса вернулся с молодым мужчиной в новом ватнике, который пошел впереди, показывая дорогу. Александр Иванович и три старых большевика, такие же ветхие и слабые, каким был недавно Исаяя Андреевич, несли, спотыкаясь, оклеенный бумагой, расписанной под серебряную с листиками, тяжелый и неудобный для несения гроб, а за гробом гуськом шествовали пять старушек в очках, в одинаковых новеньких ботиках и с одинаковыми черными зонтиками в руках.
